

Сюда, на Рабочую улицу, не часто заглядывают журналисты. И хотя вокруг быстро растут большие корпуса жилых домов, все же этот уголок Москвы мало чем пока привлекает внимание. Вот разве только если понадобится описать уходящие в даль истории московские окраины. Здесь, как и много лет назад, в палисадниках около низеньких деревянных домиков распускается сирень, а из окошек с резными наличниками приветливо смотрит герань.

В доме № 15 на этой старой московской улице живет семья, ради которой мы и пришли сюда. Она не отличается чем-либо от тысяч ей подобных в Москве и в Калуге, в Курске и на Сахалине. Это совсем обычные люди, с которыми мы вместе работаем, ездим в одном трамвае, встречаемся в театре. И как часто за будничностью их труда трудно разглядеть подвиг, вдохновляющий перо художника.

Вот об этом-то незаметном подвиге обитателей одной из комнат дома № 15 и хочется нам рассказать.

...Семь лет назад после тяжелой болезни умерла Мария Ивановна Назарова, оставив троих детей. Муж покойной, Василий Иванович Кутепов, никогда не отличавшийся не то что благородством, но и элементарной гражданской порядочностью, решил судьбу детей так: «Отдам в детский дом... Государство позаботится... Вырастут и людьми станут».

— Но ребята должны иметь родителей, — возразил ему восемнадцатилетний племянник Виктор Павлов.

— Вот ты и возьми, раз такой умный, — огрызался Кутепов.

— И возьму, и воспитаю! — твердо заявил юноша.

Это была не пустая фраза, брошенная в запальчивости. О будущем своих маленьких родственников Виктор думал с тех пор, как судьба их матери стала очевидной. Разговоры о детях Виктор неоднократно вел со своей матерью, Софьей Ивановной, родной сестрой Марии Ивановны. И хотя Софья Ивановна тоже страдала серьезным недугом и жилось им нелегко, она искренне, горячо одобряла мысль сына взять сирот к себе.

Так артист танцевальной группы Русского народного хора имени Пятницкого Виктор Павлов стал отцом одиннадцатилетнего Юры, четырехлетней Люси и двухмесячной Тани.

Трудности не пугали Виктора. Едва окончив семь классов, он начал работать на заводе слесарем, и коллектив привил ему добрые качества рабочего человека. Он знал, что новые добровольно взятые на себя обязательства потребуют от него большого напряжения, что от многого придется отказаться во

имя счастливого детства тех, кому он решил заменить отца, наставника, друга. Ему приходилось теперь не только ухаживать за больной матерью, стирать, мыть полы, но самое главное — воспитывать детей. Конечно же, этой премудрости по молодости своей он не был обучен и искусство воспитателя приходилось постигать на собственном опыте, опираясь на интуицию, на любовь к детям.

Труднее всего было с Татулькой (так стали звать Виктор и Софья Ивановна свою младшую дочь). Она нуждалась в особой заботе. И руки юноши становились по-матерински нежными, когда требовалось кормить девочку, пеленать ее, укачивать. Павлов нередко приходил на репетиции плохо выспавшийся: по ночам девочка почему-то плакала или очень рано просыпалась, и с ней надо было заниматься. Но как бы тяжело ни приходилось Виктору, он никому и никогда не жаловался. А Татулька росла, набиралась жизненных сил.

Беспокоила Виктора и Люся — пугливая, зумкнутая, молчаливая. На ее характере, видимо, глубоко отразились пьяные скандалы и драки, которые устраивал в семье ее бывший отец. Излечить эту душевную травму ребенка можно было лишь лаской, чуткостью, вниманием.

Трудно пришлось Виктору в тот памятный первый год его отцовства. Нагрянула еще одна беда: у Юры — сдержанного, рано повзрослевшего мальчика, первого помощника в доме, — начались неприятности в школе. За время болезни покойной матери он очень отстал от своих сверстников по классу. По вечерам, в свободное от репетиций и концертов время, Виктор садился рядом с Юрой за учебники.

Много непредвиденных и, можно сказать, порой просто неожиданных забот легло на плечи юноши. Но он не раскаивался — с каждым днем росла его привязанность к брату и сестренкам.

С тех пор прошло семь нелегких, но счастливых лет. Теперь Юре, учащемуся механического техникума, восемнадцать лет. Это стройный красивый юноша, для солидности запустивший усы — предмет веселых шуток в семье. Люсе — одиннадцать. Она ученица пятого класса, Татулька ходит в

детский сад и готовится поступить в этом году в школу.

На днях мы решили навестить Павловых. Во дворе нас встретил Юра.

— Вы к нам? — спросил он. — Девочки и мама дома, а Виктора нет. Но вы заходите, заходите, он должен скоро быть.

В уютной, чистой, но очень тесной комнате мы знакомимся с матерью Виктора — Софьей Ивановной, приветливой женщиной с добрым, приятным лицом, с русоголовой Люсей и бойкой смуглянкой Татулькой. После обычных в таких случаях общих, ничего не значащих фраз совершенно невольно вырвался вопрос:

— Как же вы с ними управляетесь? Трудно, наверное?

— Теперь они сами хорошие помощники, — с улыбкой ответила Софья Ивановна. — Бывает, заболел, а Виктор где-нибудь на га-

диво поправил платье на одной, как пригладил растрепавшиеся волосы другой... Он здоровается с нами, присаживается к столу, и мы продолжаем разговор о детях.

— Дети хорошие, — говорит задумчиво Софья Ивановна. — Кем-то они будут?

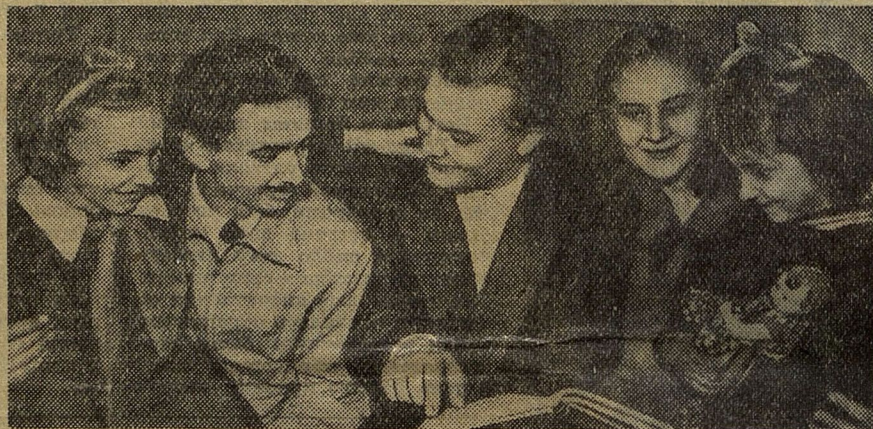
Конечно, сейчас трудно сказать, кем будут воспитанники Виктора Павлова и его матери, но ясно одно: они вырастут настоящими советскими людьми.

...Таня достает из заветного места прыгалки:

— Я пойду во двор, попрыгаю. Нам тоже пора уходить. Около дома девочка самозабвенно демонстрирует свое искусство, а затем провожает нас до ворот и на прощание говорит:

— Приходите к нам еще!

Нам, действительно, хочется еще прийти к Павловым. В этой дружной, крепкой семье еще раз убе-

Семья Павловых. Слева направо: Люся, Юра, Виктор, Софья Ивановна, Таня. Фото И. ГАЛАНЮКА.

стролях, так они и обед приготовят, и уберутся, и в аптеку за лекарством сбегает.

И в ее взгляде, обращенном на детей, светится гордость.

— Знаете, — продолжала Софья Ивановна, — тут младшая как-то спрашивает меня: «Мама, а Витя мне кто?». «Брат, говорю, двоюродный». «Почему двоюродный? — возразила Татулька. — Он мне самый, самый родной».

...Скрипнула дверь. С радостными возгласами «Витя пришел!» девочки бросились к брату, перебивая друг друга, что-то рассказывают ему...

— Тихо, цыплета! — шутливо останавливает Виктор расшалившихся сестренек.

Невысокий, светловолосый, очень молодой... Как-то трудно поверить, что на его руках выросли девочки. Но что это именно так, мы почувствовали по тому, как он забот-

даешься в духовном здоровье советских людей, в их благородстве.

* * *

ОЧЕНЬ не хотелось бы заканчивать рассказ о хороших людях вопросом: а где же Василий Иванович Кутепов? Он-то что? Он-то как-нибудь позаботился о своих детях? Нет, он скрылся. Он где-то бродит по нашей земле и радуется тому, что жизнь наша день ото дня хорошеет и что ему отпущено право наравне с Виктором Павловым и его матерью пользоваться плодами героического труда народного. Видимо, он где-то работает, приходит на собрания, митинги, и люди, соседи по квартире, по цеху не знают, какая низкая душа у этого человека. Очень хочется надеяться, что эти строки, может быть, достигнут его и раскроют глаза людям, которые, ничего не подозревая, каждый день здороваются с ним за руку.

Галина ИНОЗЕМЦЕВА.